

под влиянием различных ментальных оснований культур. Также феномен меча проявляется в различных социокультурных функциях, сводимых к двум основным – компенсаторной и адаптивной, с

помощью которых происходят коррекция и регулирование поведения индивида в современной культуре.

Поступила в редакцию 24.01.2008

Литература

1. Бердяев Н.А. Воля к жизни, воля к культуре // Смысл истории. М., 1990.
2. Баешко Л.С., Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. М., 2007.
3. Ведюшкин В.А. Представления о знатности в испанских трактатах конца XV – начала XVII вв. // Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989.
4. Окшотт Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Пер. с англ. М.К. Якушиной. М., 2004.
5. Горбулёва М.С. Символично-ритуальные характеристики меча в современной культуре // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2007. Серия: Гуманитарные науки (Философия).
6. Гуревич А.Я. Избранные труды: В 4 т. Т. 2. СПб., 1999.
7. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ), Томск, 1995.
8. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.
9. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.
10. Мелик-Гайказян И.В. и др. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005.
11. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990.
12. Whitehead A.N. Process and Reality. N-Y, 1969.
13. Жидков В.С. Попытки системного взгляда на культуру // Системные исследования. Методологические проблемы. Вып. 25. М., 1997.
14. Жидков В.С. Эволюция культуры: системный подход // Системные исследования. Методологические проблемы. Вып. 27. 1998.
15. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы. Томск, 2007.
16. Berman J. The «Sword Of Mouths» (Jud. 3:16, Ps. 149:6, Prov. 5:4) A Metaphor And Its Ancient Near Eastern Context // Vetus Testamentum. LII. 3. Leiden, 2002.

УДК 130.2+303.732

А.Н. Кочергин

КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Появление глобальных проблем выдвинуло на передний план такую философскую проблему, как поиск адекватной современному миру теоретической интерпретации феномена культуры. Научно-техническая революция вносит глобальные изменения в жизнь общества, порождая специфические противоречия общественного развития. Эти противоречия вызываются, в частности, нерациональным использованием научно-технических достижений, зачастую направленным не на благо человека, а во вред ему. Возрастание масштабов деятельности человека делает ее сравнимой с геологической силой. Создание «искусственного интеллекта» открывает новые возможности для развития науки и практики. Все это заставляет пересматривать устоявшиеся мировоззренческие стереотипы, сопоставлять природное в жизнедеятельности общества с тем, что имеет неприродное происхождение, оценивать феномены научно-технического прогресса с точки зрения их последствий для человека.

Для возможно более полного выражения названных проблем категория культуры оказалась наиболее подходящим концептуальным средством. Поэтому не случайно, что определение культуры, согласно которому она есть все то, что создано человеком, в отличие от того, что создано природой, оказалось самым распространенным. Характерны в этой связи и названия работ, затрагивающих «больные» вопросы нашего времени: «Две культуры» Ч. Сноу, «Культура и этика» А. Швейцера и др. Кроме того, потребности социальных исследований требуют развития соответствующего теоретического базиса, что, в свою очередь, приводит к тому, что понятия, ранее использовавшиеся в неотрефлексированном виде, подвергаются интенсивной теоретической обработке. Понятие культуры относится к числу именно таких понятий, которые традиционно фигурировали в различных областях социального познания до начала современной научно-технической

революции и которые были захвачены процессом «теоретизации».

В данном контексте важно отметить еще одно обстоятельство. Интенсивный процесс формирования социальных дисциплин – социологии, социальной психологии и т.д. – требует конституирования такого понятия, которое зафиксировало бы специфику эмпирически исследуемой ими социальной действительности, отделило бы ее от других форм объективной реальности. Подобно тому, как в сфере естествознания сложилось разделение, например, физического и биологического, так в современной социальной науке понятие культуры начинает играть роль синонима социального, позволяющего отличить социальное, например, от биологического.

Таким образом, интерес к феномену культуры, с одной стороны, обусловлен социально значимыми процессами, определенными сдвигами в мировоззрении, связанными в конечном итоге с осознанием особенностей и перспектив современной эпохи, осознанием значимости глобальных проблем для судеб цивилизации, с выработкой ценностных ориентаций, адекватных современному миру. С другой стороны, обсуждение проблемы культуры представляет собой реминисценцию процессов, происходящих в современной социальной науке. В этом смысле анализ исходных установок рассмотрения феномена культуры – одна из важнейших задач методологии социального познания, применительно к глобальным проблемам – особенно. В основу данной статьи положены представления о культуре как системе, изложенные в [1].

Разработка некоторых исходных представлений о культуре как особом проявлении социальной реальности не может быть осуществлена в рамках какой-либо отдельной науки – решение этой задачи требует выхода в философское, межпредметное пространство. И в этом смысле представление о культуре с неизбежностью должно быть системным, ибо только такое представление позволит сформулировать и реализовать научные программы исследований культуры в рамках различных социальных наук. Ясно, что при выработке системного представления о культуре методолог не должен ничего выдумывать. Метод его работы – анализ понятий культуры в изучающих ее науках и осуществление рефлексии по их поводу.

Термин «культура» в его современных значениях сравнительно недавно укоренился в общественном сознании. Первоначально это слово, ведущее свое происхождение от латинского *cultura*, означало всего лишь земледелие, способы обработки земли и возделывания растений. В этом смысле до сих пор говорят, например, о сельскохозяйственных культурах или культурах бактерий. Для характе-

ристики же различных проявлений социальной жизни данное понятие стало применяться только начиная с XII в. Что же касается современности, то трудно представить термин, которым более злоупотребляли и который был более семантически нагружен, чем «культура». Это обнаруживается уже на уровне дефиниций, даваемых в философской и научной литературе. Наиболее распространенными типами определения понятия культуры в культурологической литературе являются такие, как:

1) определения описательные, в основном восходящие к основоположнику культурной антропологии Э. Тейлору (например, культура – это сумма всех видов деятельности, обычаев, верований; культура – это сокровищница всего созданного людьми: книги, картины и т.д.; знание путей приспособления к социальному и природному окружению: язык, обычаи, система этикета, этика, религия, выработанные веками);

2) исторические определения, делающие упор на социальное наследие и традиции (например, культура – это социально унаследованный комплекс практики и верований, определяющий основы нашей жизни; культура включает в себя унаследованные технические процессы, идеи, привычки и ценности;

3) нормативные определения, в которых делается акцент на социальное наследие и традиции (например, культура – это весь образ жизни, определяемый социальным окружением и приобретенный индивидом как членом данного общества);

4) определения, делающие акцент на поведении и ценностях (например, культура – это материальные и социальные ценности группы людей, их институты, обычаи, реакции поведения);

5) психологические определения, в которых значение культуры усматривается в том, что она является результатом решения определенных проблем (например, культура – это общий образ жизни, особое приспособление людей к природному окружению и экономическим потребностям; культура состоит из всех результатов, извлеченных людьми из приспособления);

6) определения, делающие упор на приобщение к культуре путем обучения (например, культура – это поведение, которому человек научился, а не получил биологически);

7) структурные определения, делающие акцент на организации или моделировании культуры (например, культура – это то, что состоит из изобретений или культурных черт, интегрированных в систему с разной степенью корреляции между частями. Материальные и нематериальные черты, организованные вокруг удовлетворения основных потребностей человека, дают наши социальные институты. Институты культуры взаимосвязаны в

форме модели, уникальной для каждого общества);

8) определения генетические, в которых подчеркивается, что культура есть продукт (например, культура – это все то, что люди произвели: орудия, символы, организации, общая деятельность, взгляды, верования; это все то искусственное, что передается из поколения в поколение; культура – продукт социального взаимодействия);

9) определения, делающие акцент на идеях (например, культура – это все идеи о людях, воспринятые и осознанные человеком; культура – это поток идей, переходящих от индивида к индивиду посредством символических действий, слов или подражания);

10) определения, подчеркивающие значение символов (например, культура – это организация феноменов, материальных предметов, действий, идей, чувств, состоящая из употребления символов или от них зависящая и т.д.) [2].

Чем объясняется существование столь обширного круга определений культуры? Основная причина, видимо, состоит в их по преимуществу феноменологической, эмпирической ориентации. Культура в этих дефинициях проявляется через идеи, символы, обычаи, традиции и т.п. Очевидно, однако, что с эмпирической точки зрения любой фрагмент реальности может получить бесконечное число определений. Все будет определяться характером практических и познавательных задач. Аналогично обстоит дело и с определениями культуры. Они отражают разные подходы и соответственно разные классы познавательных задач и потребностей, осознаваемых в сфере исследований культуры. При этом необходимо также учесть, что, как правило, формирующиеся культурологические дисциплины находятся на эмпирическом этапе своего развития и строят развернутые теоретические модели культуры. Поэтому существенным для их предметов оказываются те аспекты культуры, которые непосредственно даны «наблюдателю», могут быть диагностированы, описаны и т.д. В современной философской литературе складывается несколько иное положение. Прежде всего бросается в глаза отсутствие особой пестроты в подходах к интерпретации культуры. Причина этого кроется в том, что анализ культуры ведется в существенно ином контексте – налицо стремление построить теоретическую модель культуры или, по крайней мере, эксплицировать основания и предпосылки такой модели.

К настоящему времени обозначились два основных подхода или два принципа интерпретации сущности культуры: аксиологический подход к культуре заключается в том, что она рассматривается как совокупность человеческих ценностей,

как все то, что возвышает, облагораживает, гуманизирует жизнь и человеческие отношения, что выражает уровень, степень, качество освоения человеческого мира, культурную ценность произведенных человеком материальных благ. С позиций научного подхода культура рассматривается как специфически человеческий способ деятельности, как совокупность устойчивых форм деятельности. Различие между двумя этими пониманиями культуры столь различны, что если научный подход ориентирован на представление культуры в виде системы, то ценностный подход этого не требует. Но и тот и другой понятие культуры рассматривают в общенаучном контексте, т.е. в значении, отличном от того, которое данный термин приобретает в общественно-политической практике (в рамках которой данный термин часто фигурирует в формулировках, имеющих в виду эстетическое воспитание, самодеятельное творчество, а также совокупность учреждений, составляющих социальную инфраструктуру искусства и художественного творчества: театры, клубы и т.д.).

Культуре действительно присущ аспект ценностного освоения противостоящего человеку мира. Ценности – феномены, в которых находят свою культурную форму сущностные силы человека. Ценностное освоение действительности делает возможным соотношение ее с человеческими потребностями. Ценности и выступают в качестве социокультурных средств соотношения событий и изменений окружающей действительности с собственно миром человека. Количество возможных траекторий значительно больше, чем число тех из них, которые соответствуют человеческой сущности. Факторами, обеспечивающими здесь необходимое соответствие, а значит, основаниями выбора приемлемых человеку форм действительности служат ценности. Ценностное освоение действительности составляет одну из основных функций культуры. Это является причиной того, почему значительная часть определений культуры имеет ценностный характер.

Но в этом пункте сразу же обнаруживает себя одно контрастное ему свойство научных познавательных форм: идеалы научного познания предполагают отказ от ценностного отношения к исследуемой реальности. В конечном счете целью познания становится выявление имманентных, действующих независимо от наших оценок законов, которым подчиняется изучаемая система. Поскольку определенное явление становится предметом научного анализа, оно «извлекается» из контекста категорий «положительное», «полезное», «безобразное» и т.д. Отсюда не следует, что ценностные характеристики действительности должны противопоставляться научным, как ложные – истинным,

ошибочные – адекватным. Ценностные феномены весьма существенны и значимы и в качестве симптомов определенных общественных процессов, и как формы, мобилизующие людей на те или иные свершения. Вместе с тем справедливо, что наука формирует принципиально иное видение действительности. Социальная реальность с позиций научного подхода так же выглядит, как естественно-исторический процесс. Попытки же привести сюда ценностные характеристики вступают в противоречие с основными императивами научной рациональности.

Итак, с одной стороны, важнейшей функцией культуры является ценностное освоение действительности, с другой – принципы научного анализа, в том числе и при изучении культуры, требуют отказа от ценностных установок. Отсюда проистекает мнение, что от аксиологического подхода вообще следует отказаться. Так, имея в виду требование научного познания культуры, утверждается, что «этому требованию не отвечает, в частности, подход, интерпретирующий культуру как явление, изначально и однозначно характеризующееся положительными свойствами. Подобный подход лишает теорию и историю культуры их объективного научного базиса и является результатом смешения двух одинаково необходимых этапов постижения культуры: этапа выделения и осмысления культуры как особого класса общественных явлений и этапа, выражающего практическое отношение к этим явлениям. Если осуществление первого этапа базируется на выделении объективных свойств культурных явлений безотносительно к тем или иным ценностным установкам исследователя, то реализация второго этапа предполагает наличие подобных установок в качестве своего важнейшего условия» [3, с. 6].

Научный подход к анализу культуры направлен на рассмотрение ее в виде некоторого механизма, подчиняющегося имманентным законам. С этих позиций культура выступает как специфическая целостная система. Социальный процесс столь же объективен, как и природный. Такое рассмотрение общества не отрицает значимости человеческой деятельности. Осознание социальным субъектом «траекторий» собственного движения отнюдь не является чем-то безразличным, от чего можно отвлекаться. В этом смысле развитие социальной системы существенно отличается от эволюции природных систем. Когда мы оперируем категорией «культура», то социальный процесс рассматривается именно с точки зрения его «производства» людьми как процесс и результат осознанной и целесообразной деятельности. Однако и в данном случае налицо факторы, обуславливающие эту деятельность, определяющие формы сознания и выбор целей. Совокупность указанных факторов, та-

ким образом, действует, преломляясь через волю и сознание людей, и потому для своей репрезентации требует адекватной категории. Ею как раз и может быть категория «культура».

Но как же быть с аксиологическим подходом к интерпретации культуры? Имеет ли этот подход какие-то основания или же он должен быть элиминирован как заведомо неадекватный, не соответствующий требованиям научной рациональности? Отнюдь нет. В обоснование такого ответа можно сослаться на два обстоятельства. Первое: система ценностей образует одну из основных подсистем культуры, функционирование которой подчиняется определенным закономерностям, в том числе и законам материального производства. Достаточно полное определение культуры, конечно, должно это учитывать. Понятно также, что ценностная составляющая может и должна становиться предметом научного исследования и описания. Второе: следует учитывать в культурологии двух, хотя и весьма различных, но одинаково существенных эвристических установок. Действительно, речь может идти и о представлении культуры в аспекте ее морфологии (строения, состава и т.п.) и о ее функционировании. Понятно, что во втором случае невозможно отвлекаться от способов оценочной деятельности, свойственных исследуемой культуре, не фиксировать то, что считается полезным, нравственным и т.д. Иначе обстоит дело в тех культурологических исследованиях, целью которых является описание механизмов функционирования и развития аксиологических систем. Подобно политической экономии, отвлекающейся от всех вопросов, касающихся потребительских свойств товаров (это признается компетенцией товароведения), названные исследования отвлекаются от моральных, эстетических и прочих характеристик.

Итак, в предмете современной культурологии формируются два подхода к культуре, осознаваемые как научный и аксиологический. Сути дела более бы соответствовало различие двух эвристических установок на исследовании культуры. Во-первых, речь может идти, как уже отмечалось, о представлении культуры в аспекте ее морфологии; во-вторых, в аспекте ее функционирования. Исторически сложилось так, что в науках, описывающих культуру, доминировал второй подход. Поэтому есть основания считать, что многие методологические дискуссии в современной культурологии в качестве своей действительной предпосылки имеют интенцию к морфологическому описанию культуры. Построение научно-исследовательской программы в рамках такого подхода возможно, по-видимому, на путях конкретизации представлений о культуре как о формах или способах человеческой целесообразной деятельности.

Как, однако, представить строение культуры в виде конкретной модели? Зачастую высказываемые на этот счет суждения носят не вполне корректный, сугубо феноменологический характер, отчего картина строения культуры оказывается неоднозначной, противоречивой и в целом непригодной для ее теоретической репрезентации. Так, например, в культуре М.С. Каган выделяет технико-технологическую и предметно-продуктивную грани, а также три ее слоя: материальную, духовную и художественную культуру [4]. Противоположную позицию занимает Э.С. Маркарян, утверждающий, что подобное системное представление культуры оказывается недостаточно приближенным к реальным процессам функционирования и развития общества – в рамках предложенного членения невозможно выразить процессы развития того или иного народа. «Одна из основных причин этого состоит в том, что, кладя в основу своего понимания человеческой деятельности субъектно-объектные отношения, М.С. Каган ограничивается ими и не характеризует образуемые процессами этой деятельности системы под углом зрения их взаимодействия с окружающей средой. Между тем реальные единицы общественного развития и присущие им культуры могут быть поняты как реальные исторические образования лишь в контексте подобного взаимодействия. И лишь сумев понятийно выразить процесс этого взаимодействия, мы окажемся в состоянии представить те или иные исторические комплексы культуры в виде систем, приближенных к реальным общественным процессам.

Задача характеристики исторически выработанных культурных комплексов в условиях окружающей их среды подводит к необходимости специального выделения обширной их сферы – экологической культуры. Последняя не может быть сведена лишь к природно-преобразовательной культуре, поскольку экология изучает комплексные взаимодействия живых систем (включая и общественную жизнь людей) со средой. Применительно к экологическому рассмотрению общества это означает необходимость дифференциации его внешнего окружения на качественно различные виды сред – природной и социально-исторической. Наличие же этих видов сред предполагает и наличие двух качественно различных подсистем культуры, благодаря которым осуществляется упорядоченное взаимодействие рассматриваемых обществ с их внешним окружением. Именно поэтому первая была названа «природно-экологической» подсистемой культуры, а вторая – «общественно-экологической» ее подсистемой.

Одной из важнейших особенностей человеческой деятельности является совместный, кооперированный характер, предполагающий объединение

усилий множества индивидов для достижения определенных социально значимых целей. Но эти цели могут быть достигнуты лишь при условии соответствующей организации и координации усилий действующих индивидов как в пределах отдельных сфер деятельности, так и в масштабе всего общества. Социорегулятивная подсистема культуры как раз и создает возможность для этого. Возможное ограничение термина «социорегулятивный» лишь рассматриваемой подсистемой культуры нецелесообразно. Ведь и та подсистема культуры, которая призвана выразить отношения между различными обществами, носит социорегулятивный характер. Поэтому точнее было бы рассматриваемые подсистемы культуры назвать «интрасоциорегулятивной» и «интерсоциорегулятивной» подсистемами культуры, то есть выражающими внутренний и внешний параметры регуляции» [5, с. 118–119].

Итак, выделяются три подсистемы культуры: интрасоциорегулятивная, интерсоциорегулятивная и природно-экологическая, рассматриваемые в качестве элементов исходного расчленения культуры. С подобным представлением трудно согласиться в силу его глобальности и неспецифичности. Иными словами, остается не ясным, почему предложенная модель должна выражать строение именно культуры. Что делает каждую из названных подсистем «блоками» культуры? Остается открытым и вопрос о «материале», из которого состоит культура, ее элементарных единицах или «клетках».

Не соответствуют уровню рассмотрения общества как целостной системы (тому, который задается категориями общественно-экономической формации, базиса, надстройки и т.д.) и семиотический подход к интерпретации культуры. Так, Ю.М. Лотман утверждает, что «семиотика культуры мыслима как теоретическая дисциплина, которая изучает механизм единства и взаимной необходимости различных семиотических систем. Ее могут, например, интересовать такие вопросы, как объяснение культурных универсалий типа оппозиции «система с иконическим знаком» – система с условным знаком», вопросы минимального внутреннего разнообразия семиотического механизма культуры, внутренней непереводаемости языков и механизмов преодоления этой непереводаемости. Все эти и многие другие проблемы могут рассматриваться на материале некоторой абстрактной модели изолированной культуры» [6, с. 9]. В соответствии с этим формулируется определение понятия культуры: «культура как целое обладает особым аппаратом коллективной памяти и механизмами выработки принципиально новых сообщений на принципиально новых языках, т.е. создания новых идей. Совокупность этих качеств позволяет рассматривать культуру как коллективный интеллект» [6, с. 4].

Предлагаемый уровень анализа культуры не оставляет возможности для каких-либо содержательных выводов, позволяющих, например, отличать политическую культуру от художественной и т.д. Он рассчитан на другое, а именно на то, чтобы эксплицировать и описать ее как систему, порождающую тексты, как форму социальной коммуникации.

Учитывая все сказанное, исходной задачей исследования культуры можно считать нахождение некоторой элементарной единицы ее строения, «клетки». Поскольку культура представляет собой совокупность устойчивых форм деятельности, в качестве такой «клетки» может быть взят феномен, называемый «регулятив деятельности». В таком случае элементарными образованиями культуры будут правила, предписания, юридические нормы, идеалы, ценности и т.д. Поэтому культуру в целом можно понимать как социальную подсистему, точнее, совокупность подсистем, обеспечивающих воспроизводство, трансляцию и развитие регулятивов человеческой деятельности. Культура – это не «часть» социальной жизни. В определенном смысле она есть «вертикальный срез» деятельности. Этим подчеркивается, что в обществе нет ничего, что не было бы опосредовано культурой. В указанном смысле и способ есть с помощью ножа и вилки, и технология производства стали – явления одного и того же порядка. Это регулятивы человеческой деятельности, а значит, и элементы культуры.

Любой вид деятельности человека заключен в определенные культурные формы, т.е. подчиняется определенным регулятивам. Поэтому любую сферу человеческой деятельности можно охарактеризовать по содержанию и способу воплощения тех регулятивов, которые определяют ее развертывание. Это и будет характеристикой социальной действительности с позиций ее культурной оформленности. Так, нормы и ценности правовой деятельности отличаются от правил этикета или религиозных ритуалов. В таком случае понятие «культура личности» будет отражать степень освоения личностью социальных регулятивов жизнедеятельности, а понятие «методологическая культура» – совокупность зафиксированных традицией форм рефлексивного анализа науки.

Анализируя культурные процессы, а также функционирование и развитие общества как целого, важно учитывать системы ценностей, которые в значительной мере определяют течение, направленность этих процессов. Поскольку культура в классовом обществе носит классовый характер, господствующей всегда бывает культура господствующего класса. Характеризуя культуру как классовую, мы имеем в виду специфические для нее ценности, т.е. представления о справедливости, добре, прекрасном и т.д. Именно в сфере ценнос-

тей происходят прежде всего изменения, затрагивающие культуру в эпоху смены общественно-экономических формаций. Но революции в культуре не означают полного, всеохватывающего отрицания предшествующей культуры, всех других ее компонентов. Нельзя отрицать то, что обеспечивает преемственность социальной жизнедеятельности, нельзя отказываться от всей совокупности вещественных воплощений культуры в виде технических устройств, архитектурных сооружений и т.д.

Анализ явлений культуры будет неполон без установления субординации понятий «культура» и «цивилизация». Хотя они и сопряжены, их отождествлять нельзя. Существует позиция, согласно которой цивилизация отождествляется с социальной системой в целом, социумом [7]. Такой подход нельзя назвать конструктивным. Цивилизацию скорее следует рассматривать как продукт, «реализацию» некоторой культуры в среде, составляющей основу ее жизни. В этом смысле один и то же тип культуры может воплощаться в разных формах, порождать разные цивилизации. В качестве примера можно сравнить, например, формы социальной жизни феодальной Японии и европейских стран той же стадии социально-экономического развития. Неписанный моральный кодекс японского самурайства, известный под названием «путь самурая-воина» (бусидо), и кодекс дворянской чести в европейских феодальных обществах – культурные феномены одного порядка, но различны они в качестве феноменов разных цивилизаций.

Если вещи, постройки, произведения искусства и т.п. характеризуют цивилизацию, то ценности, нормы, идеалы – культуру. В связи с этим важно иметь в виду, что понятие цивилизации не тождественно понятию материальной культуры. Материальную культуру принято сопоставлять с духовной культурой. Вместе с тем и это сопоставление требует уточнения. В качестве примера проанализируем следующее определение: «Материальная культура охватывает все сферы материальной деятельности и ее результаты (орудия труда, жилища, предметы повседневного обихода, одежда, средства транспорта и связи и др.). Духовная культура охватывает сферу познания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию)» [8, с. 294]. Такое различие культур не образует какого-либо специфического подхода и может выполнять лишь подсобную роль. Специфическим это расчленение станет лишь в том случае, если под материальной культурой будут пониматься регулятивы «воспроизводства» человеческого «тела» и «тела общества». Таким образом, материальная культура – это совокупность норм и ценнос-

тей, обеспечивающих производство вещей, а в более узком смысле – материальных благ. Что же касается духовной культуры, то ее «ткань» образуют регулятивы производства самой культуры, ее усвоения и трансляции от поколения к поколению. Следует различать также понятия «культура» и «общество»: хотя культура и пронизывает все без исключения состояния социальной жизни, тем не менее она является лишь особым аспектом социальной жизни [9, с. 342].

С учетом указанного расчленения, расчленения, на основе которых можно построить некоторую исходную модель культуры, будут иметь следующий вид.

1. Подсистема (механизм) трансляции культурных форм. В достаточно развитых обществах – это педагогическая сфера и системы воспитания. Вместе с тем здесь всегда сохраняются и стихийные механизмы трансляции в виде традиций и обычаев. Функционирование данной подсистемы обеспечивается определенной совокупностью учреждений и институтов – школ, вузов и т.п.

2. Подсистема (механизм) социального контроля за соблюдением культурных императивов (общественное мнение, правовые и политические институты и т.п.).

3. Подсистема «производства» культуры. Она появляется сравнительно поздно. Ее возникновение оптимизирует адаптацию общества к меняющимся условиям. Создаются новые идеалы, ценности и нормы культуры: психологические, эстети-

ческие, моральные и т.д. В эту подсистему включен «блок» критики, т.е. установления соответствия существующих норм общественным потребностям.

В связи с высказанными обоснованиями построения исходной модели культуры надо отметить конструктивность предложенной И.В. Мелик-Гайказян исследовательской программы, которая основывается на постнеклассической стратегии системного подхода. На базе концептуальных моделей, раскрывающих информационные механизмы социокультурных систем, удастся методологически корректно устанавливать пределы релевантности различных культурологических подходов [10, с. 77–95, 162–223; 11, с. 32–46].

Глобализм связей в современном мире обуславливает необходимость системного представления культуры. Предложенные расчленения могут быть использованы при разработке конкретно-научных теорий как культуры в целом, так и отдельных ее сфер, будь то, например, эстетическая культура или культура материального производства. В каждом из этих случаев, строя модели культурных систем, можно исходить из того, что только взаимодействие названных механизмов обеспечивает функционирование и развитие этих систем. В условиях глобальных связей это обстоятельство имеет решающее значение: без эффективного функционирования культурных систем сохранить целостность современного взаимосвязанного и взаимозависимого мира невозможно.

Поступила в редакцию 12.12.2007

Литература

1. Антипов Г.А., Кочергин А.Н. Проблемы методологии исследования общества как целостной системы. Новосибирск, 1988.
2. Штаерман Е.М. Проблемы культуры в западной социологии // Вопросы философии. 1967. № 1.
3. Маркарян Э.С. Культура как система: общетеоретические и историко-методологические аспекты проблемы // Вопросы философии. 1984. № 1.
4. Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.
5. Маркарян Э.С. Принципы исследования истории культуры как системы // Изучение истории культуры как системы. Новосибирск, 1983.
6. Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблема искусственного разума: предварительная публикация. М., 1977.
7. Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопросы философии. 1982. № 10.
8. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
9. Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т. II. М., 2001.
10. Мелик-Гайказян И.В. и др. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005.
11. Мелик-Гайказян И.В. Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек. 2007. № 3.